

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Будущее
Человечества

Сергей Патрушев

Будущее человечества

«Автор»

2026

Патрушев С.

Будущее человечества / С. Патрушев — «Автор», 2026

Артём и Настя два противоположных полюса: он скептик и прагматик, она интуит и эмпат. Их спонтанный поход в горы оборачивается находкой, которая меняет всё: светящееся кольцо, вплавленное в породу, способно переносить их на десять лет вперёд. Они попадают в технологичный, но тревожный мир 2030-х, где за блестящим фасадом скрываются тотальный контроль, социальное расслоение и тайные корпорации. Пытаясь исправить ошибки прошлого и предотвратить катастрофы будущего, герои оказываются втянуты в опасную игру с временем, где каждое вмешательство порождает непредсказуемые последствия. За ними начинают охоту спецслужбы будущего, а кольцо, питающееся их жизненной энергией, становится проклятием. Это история о цене знания, моральных границах, жертвенности и любви, которая оказывается сильнее времени. Научная фантастика с элементами антиутопии, драмы и приключений, о том, что будущее не предопределено, пока мы делаем выбор.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Маршрут выходного дня	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Будущее человечества

Глава 1. Маршрут выходного дня

Город просыпался медленно, нехотя, словно тяжелобольной, которого насильно вытаскивают из лихорадочного сна. Бетонные коробки многоэтажек, эти безликие монолиты, отбрасывали длинные, уродливые тени, разрезавшие утренние улицы на рваные куски света и тьмы. В воздухе, плотном и вязком от промышленных выбросов, уже висела та особая усталость, которая накапливается в мегаполисах за ночь и никуда не исчезает с рассветом, лишь слегка разбавляясь первыми лучами солнца. Солнце, впрочем, было каким-то нерешительным, бледным, будто его тоже утомила бесконечная борьба с завесой смога, окутавшей городские кварталы. Оно не столько освещало, сколько обозначало своё присутствие где-то там, за пеленой техногенной дымки.

Артём стоял возле своего старенького, но любовно ухоженного внедорожника уже около двадцати минут, если верить хронометру на его наручном устройстве. На самом деле он вышел раньше, как всегда, с запасом, который считал не прихотью, а элементарной предусмотрительностью. За эти двадцать минут он успел заново перепроверить прогноз погоды на трех независимых метеорологических сервисах, сверить показания барометрического альтиметра, встроенного в его multifunctional часы, с данными GPS-модуля, закреплённого на рюкзаке, и даже произвести экспресс-диагностику давления в шинах с помощью портативного датчика. Всё было в норме, всё соответствовало его расчётным показателям. Идеально выверенное начало мероприятия, которое сам он предпочитал называть не спонтанным приключением, а «выездом на рекреационный маршрут с элементами активного туризма».

Он покосился на подъездную дверь, которая всё ещё оставалась закрытой. Внутри него боролись два чувства: лёгкое раздражение от того, что Настя снова опаздывает, нарушая его тщательно спланированный тайминг, и какое-то почти неуловимое, теплое предвкушение, связанное с её появлением. Артём не любил признаваться себе в этом, но в глубине души, где-то под толщей его скептицизма и прагматизма, теплилось понимание, что именно её непунктуальность, её непредсказуемость, её постоянное стремление сбить его с проторенной колеи и делали их совместные вылазки чем-то большим, чем просто отработкой туристического маршрута.

Он взглянул на свой планшет, на котором была открыта подробная топографическая карта предгорий. Зелёная линия маршрута «Б-4», утверждённого региональным департаментом природопользования, вилась по экрану, как безжизненная артерия. Она была идеальна, эта линия. Она обещала предсказуемость, безопасность, контролируемые физические нагрузки и гарантированный эстетический результат в виде панорамного вида с Пика Утёса. Артём тщательно изучил этот маршрут за неделю до поездки. Он знал наизусть каждый подъём, каждый спуск, каждую точку возможного привала. Он даже рассчитал оптимальную скорость движения с учётом физической подготовки — своей и Настиной. Всё было под контролем. И именно этот контроль, как ни парадоксально, был ему необходим, чтобы чувствовать себя живым. Контроль был его защитной оболочкой, его панцирем, отгораживающим от хаоса внешнего мира. Мира, который пугал его своей непредсказуемостью и алогичностью.

Дверь подъезда наконец-то распахнулась, и из неё, как всегда, бесшумно выскользнула Настя. Она двигалась так, словно не шла, а перетекала из одного состояния в другое, её походка была мягкой, пружинистой, и в ней не было той нервной поспешности, которая свойственна большинству городских жителей, вечно куда-то опаздывающих. В одной руке она держала термос, обернутый в вязаный чехол с ярким, немного аляповатым орнаментом, который она сама связала прошлой зимой. В другой — свой походный рюкзак, который выглядел не как бездушный тактический контейнер, а как верный спутник, переживший множество приключений. На рюкзаке красовались нашивки — маленькие символы их прошлых поездок, купленные в сувенирных лавках и на горных приютах.

Сама Настя выглядела так, словно только что сошла с обложки журнала о здоровом образе жизни, если бы такие журналы печатали о женщинах, предпочитающих уютные, немного мешковатые ветровки и разношенные, но надёжные ботинки. Её тёмно-русые волосы были небрежно собраны в хвост, из которого выбились несколько прядей, обрамляя её лицо с чуть вздёрнутым носом и выразительными серыми глазами, в которых, как ей казалось, не было ничего особенного, но в которых Артём, когда у него выдавалась спокойная минутка, мог подолгу искать и находить отражение собственных, не высказанных вслух мыслей. У неё была привычка смотреть на мир не прямо, а слегка исподлобья, как будто она постоянно задавала окружающей действительности какой-то свой, внутренний вопрос, на который не находила ответа.

— Ты опять взяла с собой половину дома, — проворчал Артём, нарушая тишину утра своим ровным, слегка металлическим голосом. Он уже стоял у открытого багажника, ожидая, когда она подойдёт. Его собственный рюкзак, чёрный, с множеством молний и креплений, выглядел как образец инженерной мысли. Он был собран с той же тщательностью, с какой собирают шкаф по инструкции: каждый предмет на своём месте, каждый грамм учтён, каждая мелочь функциональна. В его рюкзаке был неприкосновенный запас воды, рассчитанный по формуле, включающей массу тела, интенсивность нагрузки и ожидаемую температуру воздуха. Там лежали высококалорийные энергетические батончики со сбалансированным составом, компактная аптечка первой помощи, включающая всё — от антисептика до средств от укусов и змеиных укусов, спутниковый трекер, который в случае чего мог отправить сигнал бедствия в службу спасения, запасной литий-полимерный аккумулятор, несколько герметичных пакетов для электроники и даже портативный фильтр для воды, который мог очистить любую жидкость до состояния дистиллированной.

— Только самое необходимое, — улыбнулась Настя, и в её серых глазах заплясали озорные чертики, которые Артём так хорошо знал. — Термос с травяным чаем, который я заварила ещё затемно, чтобы он настоялся. Печенье, которое я сама испекла вчера вечером, добавив туда щепотку корицы и кардамона для согревающего эффекта. И хорошее настроение. Последнее, кстати, абсолютно невесомое, так что твоя математика тут бессильна.

Артём фыркнул, но уголки его губ непроизвольно дрогнули в подобии улыбки. Этот их извечный спор, это его непрекращающееся брюзжание по поводу её «нерационального» подхода к сборам были своего рода ритуалом, который они исполняли перед каждой вылазкой. Это было как обмен паролями, как подтверждение того, что они всё ещё на одной волне, несмотря на все различия в их взглядах на жизнь. Они не были парой в классическом, романтическом понимании этого слова. Их отношения были сложнее, многограннее, в них было больше от дружеского соперничества, чем от любовной идиллии. Они были скорее двумя разнозаряженными

частицами, которые постоянно притягивались и отталкивались, создавая вокруг себя невидимое, но осязаемое электрическое поле. Артём, с его аналитическим складом ума и недоверием ко всему, что нельзя измерить и проверить, находил в Насте источник бесконечного удивления и, признаться, лёгкого восхищения. Её способность чувствовать мир, видеть знаки и знамения там, где он видел лишь случайные совпадения, казалась ему сродни магии. А Настя, в свою очередь, ценила в нём то, чего ей самой так не хватало: опору, стабильность, непоколебимую веру в силу логики и цифр. Он был её якорем в бушующем море эмоций, а она — его компасом, указывающим на те аспекты реальности, которые не улавливались никакими приборами. Они дополняли друг друга, как шестеренки в сложном, но отлаженном механизме, хотя иногда этот механизм, конечно, начинал скрипеть и искрить от перегрузок.

— Ладно, запрыгивай, — скомандовал он, усаживаясь за руль и пристёгиваясь. — До точки входа в предгорья около трёх часов, если не застрянем в утренних пробках на выезде из города. Хочу успеть начать восхождение до наступления полуденной жары. В это время солнечная активность максимальна, а у нас всё-таки маршрут средней сложности, требующий адекватного расхода энергии.

Дорога за окном была монотонной и убаюкивающей. Сначала бесконечные, серые, однообразные кварталы спальных районов, где все дома были похожи друг на друга, как близнецы, и отличались лишь номерами на фасадах. Потом — промышленные зоны с их гигантскими, бездушными ангарами, чадающими трубами и бесконечными заборами, за которыми угадывалась какая-то своя, недоступная посторонним жизнь. Этот пейзаж был привычен, он был фоном их существования, той самой антиутопией, в которой им выпало жить. Не в мрачном смысле тотального полицейского контроля и жестоких репрессий, нет. Их мир был устроен тоньше, коварнее. Это была антиутопия всеобъемлющей цифровизации, всепроникающего отчуждения и подмены реальных чувств их виртуальными суррогатами. Мир, где каждый шаг человека был отслежен, каждое желание предугадано алгоритмами, а живое, искреннее общение заменялось безликими чатами, видеозвонками и оценкой собственной значимости через количество лайков и просмотров. Город был огромной, прекрасно функционирующей машиной, но в его стальном, холодном сердце не было места для спонтанности, для неожиданных поворотов, для всего того, что делало жизнь не просто существованием, а настоящим приключением. Спонтанность требовала выхода, и их вылазки на природу были тем самым предохранительным клапаном, который не давал им окончательно сойти с ума в этом стерильном, просчитанном мире.

Постепенно, по мере того как километры шоссе ложились под колёса, индустриальный пейзаж начал редеть. Уродливые промышленные гиганты уступали место редким перелескам, а затем — и настоящему, густому лесу. Дорога становилась всё более извилистой, петляя между холмами и поднимаясь всё выше в горы. Артём сбавил скорость и открыл окно, чтобы впустить в салон свежий воздух. Настя, сидевшая на пассажирском сиденье, подставила лицо ветру и закрыла глаза. Её волосы развевались, а на губах играла лёгкая, загадочная улыбка.

— Чувствуешь? — тихо спросила она, не открывая глаз. — Это свобода. Она пахнет прелыми листьями, нагретой солнцем хвоей и приближающейся грозой. Слышишь, как пахнет озон?

Артём ничего не ответил. Он был слишком сосредоточен на управлении автомобилем и на показаниях навигатора, который вёл их по заданному маршруту. Но в глубине души, в той её части, которую он старался не выставлять напоказ, он знал, что Настя права. В этом

горном воздухе, в этом пьянящем аромате леса было что-то, от чего его всегдашнее внутреннее напряжение, словно тугая пружина, начинало понемногу ослабевать. Что-то, что не поддавалось никаким расчётам и измерениям, но отчётливо ощущалось на каком-то более глубинном, интуитивном уровне. Он никогда не признался бы в этом вслух, но именно за этим ощущением он и возвращался сюда снова и снова.

Наконец, после долгого подъёма по серпантину, они достигли конечной точки автомобильного маршрута — небольшой, полузаброшенной стоянки, обозначенной на его карте как «Точка входа №7». Это была просто расширенная обочина, усыпанная гравием, от которой в лес уходила едва заметная тропа. Артём заглушил двигатель и вышел из машины, разминая затёкшие ноги. Он с наслаждением потянулся, вдыхая прохладный, кристально чистый горный воздух. Планшет в его руках показывал отличный уровень сигнала, а GPS-координаты с точностью до метра соответствовали заданным. Всё шло по плану.

— Ну что, сверяем маршрут перед выходом, — произнёс он, расстелив на капоте машины карту, распечатанную на специальной водоотталкивающей бумаге. — Итак, наш путь — вот эта тропа. Маршрут категории «Б-4». Средней сложности, перепад высот шестьсот тридцать метров, финальная точка — смотровая площадка на Пике Утёса, откуда открывается панорамный вид на долину. К вечеру, при должном темпе, мы должны успеть спуститься обратно к машине.

Настя подошла к капоту и, вместо того чтобы вглядываться в карту, стала смотреть куда-то вдаль, поверх деревьев. Её взгляд скользнул вправо, к другой тропе, которая уходила вглубь ущелья и терялась где-то в зарослях. На карте эта тропа была обозначена пунктиром и сопровождалась предупреждающей пометкой «Не рекомендуется для прохождения. Опасность обвалов».

— А может, пойдём туда? — неожиданно предложила она, указывая пальцем в сторону пунктирной линии. Её голос звучал почти мечтательно.

Артём нахмурился, его брови сошлись на переносице. Он сразу понял, о чём она говорит.

— Ты серьёзно? Это же старый, закрытый маршрут. Его вывели из эксплуатации несколько лет назад. Смотри, вот здесь был обвал, а тут, судя по топографической съёмке, очень крутой, опасный подъём. Мы не за тем сюда ехали, чтобы ломать себе ноги. Наш маршрут — «Б-4». Он безопасен, проверен сотнями туристов и ведёт к лучшему виду в округе.

— Скучно, — протянула Настя, капризно надув губы, как маленький ребёнок, которому не дали желанную игрушку. — Проверен, безопасен... Мы всегда ходим по твоим проверенным, вылизанным маршрутам, где каждый камень на своём месте. А та тропа... от неё веет загадкой. Она живая. Я чувствую, как она нас зовёт. В ней есть какая-то магия, которой нет в твоей идеальной линии «Б-4».

— Не говори ерунды, — резче, чем хотел, ответил Артём. Его раздражал этот её постоянный мистицизм, это отрицание очевидных фактов в угоду каким-то «чувствам». — Тропы не могут никого звать. Это просто линии на карте, причём линии, ведущие в тупик. Мы пойдём по плану. Это вопрос здравого смысла и личной безопасности.

— А если не по плану? — Настя скрестила руки на груди, её глаза потемнели, предвещая бурю. — Что случится? Мир рухнет? Вся твоя жизнь — это один сплошной план, расписание,

график. Ты живёшь по расписанию, ходишь по расписанию, даже чувствуешь по расписанию! Ты как робот, запрограммированный на выполнение заданных функций!

— По крайней мере, я всё ещё жив и у меня целы конечности, — парировал Артём, чувствуя, как внутри него закипает раздражение. — В отличие от твоих спонтанных решений, которые обычно заканчиваются какой-нибудь ерундой. Помнишь, как ты «по интуиции» выбрала в магазине тот «волшебный» ароматизатор воздуха с запахом горного луга, от которого у меня потом неделю болела голова и слезились глаза?

— Это другое! И вообще, я сейчас не об ароматизаторе. Я о том, что ты слишком зашорен. Ты пытаешься просчитать и предугадать всё, но жизнь — это не уравнение с одним неизвестным. В ней нет единственно верного решения. Иногда нужно просто свернуть не туда, чтобы найти то, что не искал. Понимаешь? Самое интересное часто спрятано за пределами твоих схем.

Их спор разгорался, как сухой хворост в костре. Слова, словно мелкие, острые камешки, летели друг в друга, оставляя на душе невидимые, но болезненные царапины. Это было их обычное противостояние: его несокрушимая, железобетонная логика против её изменчивой, как ветер, интуиции. Каждый из них был по-своему прав, и каждый в глубине души понимал это, но ни один не хотел уступать. Наконец, Артём, решив, что продолжать спор — значит окончательно испортить день, взвалил рюкзак на плечи и решительно зашагал в сторону тропы «Б-4». Он был уверен в своей правоте, и эта уверенность придавала его шагам тяжесть и неумолимость.

— Я иду по основному маршруту, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Хочешь — иди за мной. Не хочешь — стой тут и прислушивайся к своим «зовам» сколько влезет.

Настя, немного поколебавшись, всё же двинулась следом. Но расстояние между ними теперь было не просто физическим. Они шли по одной тропе, но в разных вселенных. Она шла насупившись, пиная носком ботинка мелкие камешки, попадавшие под ноги. Начало похода было безнадежно испорчено. Лес вокруг них был тих и прекрасен, полон утренней жизни, но они не замечали этой красоты. Артём смотрел только под ноги и на экран планшета, сверяя маршрут с показаниями спутников. Настя смотрела по сторонам, но видела лишь серую пелену своей обиды и разочарования.

Они шли уже около часа. Тропа, в начале широкая и хорошо утоптанная, становилась всё более узкой и заросшей. Высокая трава местами скрывала её очертания, а корни деревьев, словно змеи, пересекали путь, заставляя смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Артём всё чаще сверялся с навигатором. Он начал замечать нечто странное. Сигнал начал сбивать, а визуальные ориентиры на местности не совпадали с теми, что были обозначены на его карте.

— Странно, — пробормотал он себе под нос, останавливаясь и оглядываясь по сторонам. — Мы должны были выйти к ручью ещё десять минут назад. Но здесь нет даже намёка на него.

— Может, твой ручей пересох, — язвительно заметила Настя, не скрывая сарказма. В её голосе звучала обида, смешанная с торжеством. Она словно говорила: «Вот видишь, твои хваленые карты и технологии тебя подводят».

— Не пересох, — отрезал Артём, не желая ввязываться в новую перепалку. — Он отмечен на карте как круглогодичный, с постоянным расходом воды. Мы просто немного отклонились от маршрута. Сейчас я сориентируюсь по приборам.

Он начал вертеть планшет в руках, пытаясь поймать устойчивый сигнал. Стрелка компаса на экране дергалась, как сумасшедшая, беспорядочно указывая то в одну, то в другую сторону. Спутниковый сигнал то появлялся, то пропадал, словно что-то глушило его. Артём нахмурился ещё сильнее. Такое поведение техники было ему непонятно и оттого особенно тревожно.

— Чёрт возьми, — выругался он. — Здесь, похоже, какая-то магнитная аномалия. Электроника сходит с ума. Компас и GPS полностью дезориентированы.

— Ой, какая досада, — пропела Настя с наигранным сочувствием. — Техника подвела. Придётся, наверное, полагаться на то, что ты так презираешь. На интуицию. На зов леса.

— Я не презираю интуицию, — сквозь зубы процедил Артём, убирая бесполезный планшет в карман рюкзака. — Я просто не доверяю ей в вопросах, где на кону безопасность. Где ошибка может стоить жизни. Ладно, давай сделаем привал. Перекусим, выпьем чая и спокойно решим, что делать дальше.

Они нашли относительно ровное место у большого поваленного дерева, поросшего мягким зелёным мхом. Настя сняла рюкзак и достала свой термос и бумажный свёрток с домашним печеньем. Артём вытащил упаковку энергетических батончиков и бутылку воды. Тишина между ними была натянутой, как струна, готовая лопнуть в любой момент. Каждый из них переживал ссору по-своему, и каждый ждал, что первый шаг к примирению сделает другой. Наконец, Настя не выдержала. Она всегда была более эмоциональной, более нетерпеливой в таких вопросах.

— Послушай, — тихо начала она, глядя не на Артёма, а куда-то в сторону, на стволы деревьев. — Я не хотела ссориться. Просто мне иногда кажется, что ты не слышишь меня. Что для тебя важнее твои карты, графики и расчёты, чем то, что я чувствую. А я... я просто хочу, чтобы ты иногда доверял мне так же, как я доверяю тебе.

Артём вздохнул. Его злость, ещё минуту назад клокотавшая внутри, уже улеглась, уступив место усталости и лёгкому, щемящему чувству вины. Он знал, что в её словах есть доля правды.

— А мне кажется, что ты не понимаешь, что моя «занудность», как ты это называешь, — это просто способ уберечь нас. Мой способ. Я хочу, чтобы мы вернулись домой целыми и невредимыми. Чтобы этот поход оставил приятные воспоминания, а не стал историей о том, как мы заблудились и провели холодную ночь в лесу. Я не могу по-другому, понимаешь? Мне нужно чувствовать почву под ногами.

— А может, ночь в лесу — это не так уж и плохо? — Настя наконец повернулась к нему и улыбнулась. И от этой её улыбки, тёплой и немного виноватой, в груди у Артёма что-то потеплело и отпустило. — Посмотри вокруг. Здесь красиво. И здесь никого нет. Только мы и лес. И это... это и есть настоящая жизнь, а не тот суррогат, который мы видим в городе.

Артём невольно поднял взгляд и посмотрел по сторонам. И впервые за всё время их похода он по-настоящему увидел лес. Деревья, укутанные мхом, стояли как древние, молчаливые стражи, охраняющие покой этого места. Сквозь густые, смыкающиеся над головой кроны пробивались косые лучи солнца, создавая на земле причудливую игру света и тени. В воздухе стоял густой, влажный запах хвои, прелых листьев и грибов. Где-то вдалеке пела незнакомая птица, и её трель разносилась по лесу, как звон хрустального колокольчика. Настя была права. Здесь было своё, дикое, ускользающее от любого анализа очарование. Очарование, которое не поддавалось измерению.

— Красиво, — нехотя согласился он. — Но я бы предпочёл любоваться этой красотой с официальной смотровой площадки, попивая кофе из термокружки, зная, что до машины осталось два часа лёгкой прогулки по расчищенной тропе.

— Термос, между прочим, у меня, — хихикнула Настя, снова превращаясь из сердитой женщины в того человека, рядом с которым Артёму было легко и спокойно. — Так что кофе тебе не светит. Только мой травяной чай.

— Сойдёт и чай, — Артём потянулся к её рюкзаку и взял термос. — Твой, с какими-то горными травами, он, на удивление, ничего. Вкусный.

— «Ничего»! — возмутилась она, но в её голосе слышался смех. — Это эликсир бодрости, между прочим! Запомни, эти травы собраны на рассвете в экологически чистом районе и заряжены энергией луны. Они не просто вкусные, они целебные!

— Энергией луны? — Артём скептически поднял бровь, отпивая глоток ароматного, согревающего напитка. — Технически, Луна не является источником энергии. Она лишь отражает солнечный свет. Так что твоя «лунная энергия» — это просто отражённая солнечная.

— Вот именно! Отражённый свет — это уже совсем другая энергия! — горячо возразила Настя. — Мягкая, женская, интуитивная. Та самая, которой тебе, со всей твоей математикой и физикой, так катастрофически не хватает. Поэтому ты и не чувствуешь, что тропа нас зовёт.

Они рассмеялись. Лед между ними окончательно растаял. Напряжение, висевшее в воздухе, рассеялось, как утренний туман. Допив чай и съев по паре печений, Артём снова достал планшет. Сигнал по-прежнему отсутствовал. Экран то показывал размытую, бесполезную карту, то и вовсе мигал, требуя перезагрузки. Он был один на один с неизвестностью, и это неприятное чувство полной потери контроля над ситуацией нервировало его гораздо больше, чем сам факт того, что они заблудились.

— Ладно, — произнёс он, принимая волевое решение. — Нам нужно вернуться на основную тропу. Судя по последним полученным данным, мы отклонились на юго-запад. Идти нужно на северо-восток. Так мы выйдем к ручью, а от него — на маршрут.

— А я думаю, нам нужно идти вон туда, — Настя указала в сторону, где между деревьями виднелся просвет, как будто там, за плотной стеной леса, было что-то ещё. — Там как будто проход. И оттуда... оттуда веет чем-то необычным.

— Это просто низина, — упрямо возразил Артём, хотя сам, взглядевшись, заметил, что просвет действительно был похож на начало какого-то прохода. — Там может быть болото или бурелом. Идти туда небезопасно.

— Это не болото, — уверенно заявила Настя. — Я чувствую оттуда запах камня и воды. Холодный, влажный запах. Там ущелье. Узкое и глубокое. И оно живое.

Артём снова почувствовал, как внутри него поднимается волна раздражения. Это её постоянное апеллирование к каким-то неведомым «чувствам» и «запахам» выводило его из себя. Он был практиком, реалистом. Ему нужны были факты, а не эфемерные ощущения.

— Настя, мы не можем строить маршрут на твоих «чувствах» и «запахам», — произнёс он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и убедительно. — Нам нужно руководствоваться фактами. А факты таковы: компас сломан, карта бесполезна, и мы заблудились. Меньше всего нам сейчас нужно лезть в какое-то неизвестное ущелье, которое может оказаться тупиком или ловушкой.

— А я говорю, что ущелье — это наш путь, — упрямо повторила Настя. — Оно выведет нас к реке. А по реке мы спустимся к городу. Я чувствую это.

— Это бред! — взорвался Артём. — Никакой реки здесь нет на карте! Откуда ты это взяла?!

— Оттуда, — Настя коснулась ладонью своей груди, в области сердца. — Это знание не с карты. Оно изнутри. Просто доверься мне. Хоть раз в жизни.

Они снова стояли друг напротив друга, готовые к новой битве. Каждый тянул в свою сторону, и ни один не желал уступать. Напряжение снова наэлектризовало воздух. Артём смотрел на неё, на её решительное, упрямое лицо, на её глаза, горящие каким-то внутренним светом, и чувствовал, как его собственная непоколебимость начинает давать трещины. В ней было что-то, что заставляло его сомневаться в собственной правоте. Что-то первобытное, дикое, необъяснимое. Наконец, Артём, поняв, что переубедить её словами не выйдет, принял решение, которое сам считал компромиссным.

— Хорошо, — сдался он. — Я пойду туда. Один. Посмотрю, что там за «ущелье». А ты останешься здесь, у этого дерева. Если я не вернусь через полчаса, начинай звать на помощь и не вздумай идти следом.

— Нет, — твёрдо заявила Настя, скрестив руки на груди. — В прошлый раз, когда ты ушёл один, ты подвернул ногу, и нам пришлось тащить тебя на себе. Я не хочу повторения. Мы пойдём вместе. Прямо сейчас. И если там окажется тупик, я признаю, что была права, и впредь не буду спорить с твоими картами.

Это было неожиданно. Обычно она настаивала на своём до конца, до последнего слова. А тут — вдруг предложила пари, да ещё и с такими условиями. Что-то в этом было. Что-то подкупающее.

— Хорошо, — Артём кивнул. — Пойдём вместе. Но держись строго за мной и ничего не трогай по пути. Это условие.

— Договорились, — улыбнулась Настя, и её лицо озарилось той самой улыбкой, ради которой Артём, как он начал подозревать, и соглашался на все эти авантюры.

Они двинулись в сторону просвета. Идти было трудно. Под ногами предательски хлюпал мох, в котором ноги утопали почти по щиколотку. Низкие ветки кустарника цеплялись за одежду, норовя расцарапать лицо. Воздух становился всё более влажным и прохладным. Наконец, они вышли к расщелине в скальной породе. Это действительно было ущелье. Узкое, не более двух метров в ширину, с высокими, почти отвесными стенами, которые смыкались где-то высоко над головой, образуя над ними некое подобие каменного неба. Вниз уходил крутой, каменистый спуск, усыпанный острыми осколками сланца, которые предательски скользили под ногами. Оттуда, из самой глубины, поднимался тот самый, ранее почувствованный Настей запах — сырой, холодный, но с едва уловимой примесью чего-то металлического, озонового, как воздух после сильной грозы.

Настя взглянула на Артёма с нескрываемым триумфом. Её глаза сияли.

— Ну, что я говорила? Ущелье, — произнесла она тоном, в котором слышалось: «А ты не верил».

— Да, ущелье, — нехотя признал он, осматривая мрачный каменный проём. — Но это не значит, что оно выведет нас к реке. Скорее всего, это просто геологический разлом, который заканчивается тупиком. Или каменной ловушкой, из которой потом не выбраться.

— А если нет? — её глаза горели азартом и любопытством. — Давай спустимся. Совсем чуть-чуть. Просто посмотрим, что там, внизу.

Артём колебался. Каждая клеточка его рационального «я», его внутренний голос, голос логики и инстинкта самосохранения, кричал ему: «Стой! Остановись! Это ловушка! Поворачивай назад!». Но другая, тихая и любопытная часть его существа, которую он так долго и старательно подавлял в себе, этот незнакомый ему самому голос, нашептывал совсем другое: «А вдруг? Вдруг там, в этой темноте, есть что-то, что изменит всё? Вдруг она права?». Эта внутренняя борьба, это смятение длились несколько долгих секунд.

— Ладно, — наконец произнёс он, сам удивляясь звуку собственного голоса. — Но только на десять метров. Ни шагу дальше. Просто чтобы удовлетворить твоё любопытство.

Они начали осторожный, медленный спуск. Камни осыпались из-под ног, с грохотом уносясь в чёрную, как смоль, глубину. Этот грохот, многократно усиленный стенами ущелья, звучал угрожающе, как предупреждение. Эхо их собственных шагов искажалось до неузнаваемости, превращаясь в какие-то звериные рыки и стоны. Стены ущелья, сходящиеся всё ближе, давили на психику, создавая гнетущее ощущение замкнутого пространства, из которого нет выхода. Артём двигался впереди, тщательно проверяя каждый выступ, каждый камень, прежде чем перенести на него вес тела. Настя следовала за ним, держась за его рюкзак, как за спасательный трос. Свет, проникающий сверху, быстро тускнел, и вскоре они оказались в глубоком полумраке, где очертания предметов терялись, а звуки приобретали особую, зловещую чёткость.

Артём включил налобный фонарь. Луч света выхватил из темноты гладкие, отполированные временем и водой стены. Они были испещрены странными, геометрически правильными трещинами. Слишком правильными, чтобы быть случайными. Настя, стоявшая за его спиной, тихо ахнула и коснулась его плеча.

— Смотри, — прошептала она, и её шёпот прозвучал неожиданно громко в этой гробовой тишине. — Эти линии... Они не похожи на естественные. Они... геометрические. Слишком прямые, слишком симметричные.

Артём и сам уже это заметил. Он направил луч фонаря на стену и принялся внимательно изучать её. Действительно, трещины образовывали на поверхности камня подобие узора. Прямые углы, строго параллельные линии, пересечения под одним и тем же градусом. Это было похоже на... на какую-то схему. На чертёж.

— Это просто игра света и тени, — неуверенно произнёс он, пытаясь найти рациональное объяснение увиденному. — Оптические иллюзии, вызванные преломлением света в кристаллах породы.

— Нет, — твёрдо возразила Настя, покачав головой. — Это не иллюзия. Эти линии... они складываются в какой-то знак. Или в символ. В руну. Смотри, вот здесь, видишь, спираль, а здесь — луч.

Она протянула руку и кончиками пальцев коснулась одной из линий. И в тот самый момент, когда её пальцы соприкоснулись с холодным, влажным камнем, Артём почувствовал, как по его телу прошла невидимая волна вибрации. Слабая, едва уловимая, но отчётливая. Она исходила откуда-то из глубины, из-под ног, из самой толщи скалы. Это было похоже на слабый подземный толчок, но в то же время — на что-то иное, не поддающееся физическому объяснению. Экран его планшета, который он по-прежнему держал в руке, внезапно вспыхнул ослепительно ярким белым светом, как будто его подключили к источнику невероятного напряжения, а затем мгновенно погас.

— Что это было? — спросила Настя, испуганно отдёрнув руку от стены и прижимая её к груди.

— Не знаю, — честно признался Артём, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее. — Возможно, небольшой подземный толчок. Или мощный электромагнитный импульс, повлиявший на электронику. Здесь явно что-то не так с геомагнитным полем.

Он попытался включить планшет. Бесполезно. Экран был чёрным и не подавал никаких признаков жизни. Налобный фонарь на голове начал предательски мигать, словно его батарея садилась на глазах. Луч света то тускнел, то вспыхивал, как агонизирующая свеча. Тьма вокруг них сгустилась, став почти осязаемой, вязкой, как смола. И в этой крошечной тьме, где-то далеко впереди, в самом конце ущелья, Артём вдруг увидел это.

Слабое, едва различимое, голубовато-зелёное сияние. Оно мерцало и пульсировало в такт биению какого-то неведомого, гигантского сердца. Оно не было похоже ни на свет фонаря, ни на отблеск луны, ни на какой-либо другой известный ему источник света. Это был свет, который, казалось, исходил из самих стен, из самого воздуха. Свет, который был живым.

— Ты видишь? — шёпотом спросила Настя. В её голосе не было страха. Только глубокое, почти религиозное благоговение и зачарованность.

— Да, — ответил Артём, чувствуя, как его привычная, тщательно выстроенная картина мира начинает трещать по швам, как прогнившая ткань. — Вижу.

Он понимал, что должен повернуть назад. Что это небезопасно. Что это выходит за рамки всего, что он знал и понимал. Что за этим светом может скрываться всё что угодно — от радио-активного излучения до галлюцинаций, вызванных неизвестным газом. Но что-то, гораздо более сильное, чем его воля, логика и инстинкт самосохранения, заставляло его двигаться вперёд. Туда, к этому странному, невозможному свету, который мерцал в глубине запретного ущелья, словно маяк из иного, неведомого мира. Этот свет был живым, и он звал их. Он пел им песню, которую они оба, каждый по-своему, но всё же слышали. Впервые за всё время их знакомства Артём и Настя были едины в своём порыве, в своём желании. Они, не сговариваясь, сделали ещё один шаг вниз, навстречу неизвестности. Навстречу тому, что навсегда изменит их жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.